

Стихотворения о Великой Отечественной войне

Москва
2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С80

Оформление серии
Степана Костецкого

С80 **Стихотворения** о Великой Отечественной войне. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-178140-8

В сборник вошли ключевые поэтические тексты, посвященные Великой Отечественной войне. В настоящей книге вы сможете найти стихотворения не только известных поэтов-фронтовиков (таких, как Александр Твардовский, Константин Симонов, Юлия Друнина), но и тех, кто откликнулся на страшные события нашей истории.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-178140-8

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

**КОНСТАНТИН
СИМОНОВ**

ЖДИ МЕНЯ

В.С.

Жди меня, и я вернусь...
Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941

* * *

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слезы они вытирали украдкою,
Как вслед нам шептали: — Господь вас спаси! —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: — Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

СВЕРЧОК

Мы довольно близко видели смерть
и, пожалуй, сами могли умереть,
мы ходили везде, где можно ходить,
и смотрели на все, на что можно смотреть.
Мы влезали в окопы,
пропахшие креозотом
и пролитым в песок сакэ,
где только что наши
кололи тех
и кровь не засохла еще на штыке.

Мы напрасно искали домашнюю жалость,
забытую нами у очага,
мы здесь привыкали,
что быть убитым —
входит в обязанности врага.
Мы сначала взяли это на веру,
но вера вошла нам в кровь и плоть;
мы так и писали:
«Если он не сдастся —
надо его заколоть!»

И, честное слово, нам ничего не снилось
когда, свернувшись в углу,
мы дремали в летящей без фар машине
или на твердом полу.
У нас была чистая совесть людей,

посмотревших в глаза войне.
И мы слишком много видели днем,
чтобы видеть еще во сне.
Мы спали, как дети,
с открытыми ртами,
кое-как прикорнув на тычке...
Но я хотел рассказать не об этом.
Я хотел рассказать о сверчке.
Сверчок жил у нас под самую крышей
между войлоком и холстом.
Он был рыжий и толстый,
с большими усами
и кривым, как сабля, хвостом.

Он знал, когда петь и когда молчать,
он не спутал бы никогда;
он молча ползал в жаркие дни
и грустно свистел в холода.
Мы хотели поближе его разглядеть
и утром вынесли за порог,
и он, как шофер, растерялся, увидев
сразу столько дорог.
Он удивленно двигал усами,
как и мы, он не знал, почему
большой человек из соседней юрты
подошел вплотную к нему.

Я повторяю:
сверчок был толстый,
с кривым, как сабля, хвостом,
Но всего его, маленького,
можно было
накрыть дубовым листом.
А сапог был большой —
сорок третий номер,
с гвоздями на каблуке,
и мы не успели еще подумать,
как он стоял на сверчке.

Мы решили, что было б смешно сердиться,
и завели разговор о другом,
но человек из соседней юрты
был молча объявлен нашим врагом.

Я, как в жизни, спутал в своем рассказе
и важное, и пустяки,
но товарищи скажут,
что все это правда
от первой и до последней строки.

1939

* * *

Слишком трудно писать из такой оглушительной дали.
Мать придет и увидит конвертов клочки:
«Все ли есть у него, все ли зимнее дали?» —
И, на счастье твое, позабудет очки.

Да, скажи ей — все есть. Есть белье из оранжевой байки.
Как в Москве — если болен — по вызову ездят врачи,
Под шинель в холода есть у нас забайкальские майки -
Меховые жилеты из монгольской каракульчи.

Есть столовка в степи, иногда вдруг запляшет посуда,
Когда близко бомбежка... Но подробности ей не нужны.
Есть простудные ветры. Но московское слово «простуда»
Ей всегда почему-то казалось страшнее войны.

Впрочем, все хорошо, пусть посылки не собирает.
Но тебе я скажу: в этой маминой мирной стране,
Где приезжие вдруг от внезапных простуд умирают,
Есть не все, что им надо, не все, что им снится во сне.

Не хватает им малости: комнаты с темною шторой,
Где сидеть бы сейчас, расстояния все истребя.
Словом, им не хватает той самой, которой...
Им — не знаю кого. Мне — тебя.

Наше время еще занесут на скрижали.
В толстых книгах напишут о людях тридцатых годов.

Удивятся тому, как легко мы от жен уезжали,
Как легко отвыкали от дыма родных городов.

Всё опишут, как было... Вот только едва ли
Они вспомнят, что мы, так легко обходясь без жены,
День за днем, как мальчишки, нелепо ее ревновали,
Ночь за ночью видали все те же тревожные сны.

1939

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

Пусть голосуют дети

Я в госпитале мальчика видала.
При нем снаряд убил сестру и мать.
Ему ж по локоть руки оторвало.
А мальчику в то время было пять.

Он музыке учился, он старался.
Любил ловить зеленый круглый мяч...
И вот лежал — и застонать боялся.
Он знал уже: в бою постыден плач.

Лежал тихонько на солдатской койке,
обрубки рук вдоль тела протянув...
О, детская невыслышимая стойкость!
Проклятье разжигающим войну!

Проклятье тем, кто там, за океаном,
за бомбовозом строит бомбовоз,
и ждет невыплаканных детских слез,
и детям мира вновь готовит раны.

О, сколько их, безногих и безруких!
Как гулко в черствую кору земли,
не походя на все земные звуки,
стучат коротенькие костыли.

И я хочу, чтоб, не простив обиды,
везде, где люди защищают мир,

являлись маленькие инвалиды,
как равные с храбрейшими людьми.

Пусть ветеран, которому от роду
двенадцать лет,
когда замрут вокруг,
за прочный мир,
за счастье народов
подымет ввысь обрубки детских рук.

Пусть уличит истерзанное детство
тех, кто войну готовит, — навсегда,
чтоб некуда им больше было деться
от нашего грядущего суда.

1949